

И. Н. Потапенко

"Не герой"

Роман в двух частях

Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.

OCR Бычков М. Н.

Часть I

I

Бакланов спускался по чугунной лестнице с третьего этажа, где помещалась его квартира. Он был как всегда: недурно, но нельзя сказать, чтобы хорошо настроен, красив, одет не то чтобы изящно, а скорее симпатично. Все на нем сидело вольно и даже чуть-чуть мешковато и уж во всяком случае не по моде: пальто длинное, хотя франты Невского давно уже щеголяли в коротких, брюки широкие и полосатые, а между тем последним словом были -- в клетку и узкие, шляпа мягкая, светлая, что ни в каком случае не подходило к темно-серому пальто; но все это шло к его красивому лицу с круглой русой бородкой, с румяными щеками, с серыми добрейшими глазами, которые дружелюбно смотрели на весь мир и ежеминутно говорили: "Ничего, ничего; конечно, не все на свете прекрасно; есть много несовершенств, несправедливостей, обид; но тем не менее -- ничего,-- мне все-таки недурно живется, и я люблю божий свет!" Когда он дошел до последней ступеньки, почтенный седобородый швейцар, несмотря на свой большой рост и свою тяжеловесность, засуетился, быстро выдвинул ящик ясеневго столика, вынул оттуда пакет и подал Бакланову.

-- Это вам-с, Николай Алексеич! Сию минуту принесли, не успел представить.

Бакланов взял пакет, красиво поднял веки и брови, как бы спрашивая: "Мне? От кого бы?" -- и начал не спеша распечатывать пакет, в то же время продолжая свой путь уже по панели Фурштатской улицы. Решительно не мог он себе представить, от кого и по какому поводу могла бы прийти ему телеграмма. Человек он неделовой, в провинции у него никого нет, кроме старой больной тетки, живущей где-то под Серпуховом в своей усадьбице, такой же полуразрушенной, как она сама. Кое с кем в Москве он ведет переписку, с одним профессором, с двумя журналистами, с редактором одного толстого журнала, но ни с кем из них у него не было такого дела, чтобы могла понадобиться телеграмма. Но кто бы это?

-- Ах, вот кто! -- промолвил он вслух, развернув телеграмму и прочитав прежде всего подпись. Там значилось: Рачеев. А телеграмма кратко извещала о прибытии завтра в одиннадцать часов на Николаевский вокзал.

"Рачеев, Рачеев! Старая дружба, сердечная дружба, школьная..." -- думал Бакланов, продолжая свой путь уже по Литейному, по направлению к Невскому. Он и сам не замечал, что шаги его сделались чаще и тверже и весь он был в волнении. Рачеева он не видал уже лет семь и за все это время почти никогда не думал о нем. В последний раз он приезжал сюда из Москвы и побыл всего две недели. Он был мрачен и на все сердит. Помнил Бакланов горячую сцену в ресторане Палкина, когда они и с ними еще Ползиков истребляли напитки в отдельном кабинете. Все были разгорячены, а Рачеев больше всех, потому что он пил не для удовольствия, а с единственным желанием напиться и, как он говорил, "видеть мир перевернутым вверх ногами". Рачеев тогда страдал обычной болезнью русских порядочных людей -- неведением, куда приложить свои силы таким образом, чтобы они не пропали даром. Бакланов и Ползиков вели разговор о каком-то начинающем авторе, причем Бакланов утверждал, что это несомненный талант, а Ползиков с свойственной ему мефистофельской ядовитостью говорил, что все бездарности были в свое время начинающими талантами. Вдруг Рачеев хлопнул по столу кулаком с такой силой, что бутылка подпрыгнула и повалилась набок, а красное вино из нее вылилось на светлую жилетку Ползикова.

-- Черт вас побери с вашими талантами, бездарностями, со всей вашей литературой, со всеми